Иван Данилов

ДОРОГА В НИКУДА, или КТО ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

УДК 94(100)”1939/1945”
ББК 63.3(0)62
Д18

Данилов, И. П.

Д18 Дорога в никуда, или Кто главный архитектор Второй мировой войны? / Иван Данилов. – Минск, 2020. – 60 с.

К сожалению, чем больше времени проходит с трагических событий Второй мировой войны, тем меньше о них знают наши дети и внуки. Поэтому так важно, чтобы мы продолжали во всеуслышание говорить правду о Второй мировой, преступниках и жертвах и сопротивлялись любым попыткам искажения истории. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94(100)”1939/1945”
ББК 63.3(0)62

«Я заключил союз с сатаной,
чтобы победить дьявола».
Адольф Гитлер

Эти слова он произнес в кругу самых ближайших своих соратников утром 24 августа 1939 г., получив от Риббентропа сообщение об успешном завершении переговоров в Москве. Думали ли тогда кремлевские горе-стратеги, к каким трагическим последствиям для народов СССР приведет их легкомысленное братание с Гитлером, за здоровье которого тов. Сталин в ту роковую ночь предложил выпить по бокалу шампанского? А как же видятся теперь, по прошествии 80 лет, события того времени?

«Muzeum kłamstwa»

«Вторую мировую войну давно пора очистить от вранья».
Александр Яковлев, «Сумерки», 2005

Почему эту часть нашей книги мы решили озаглавить по-польски, используя определение польских туристов, посетивших (и продолжающих посещать) музей Великой Отечественной войны в столице Беларуси? Это выражение (более подходило бы название «музей полуправды») я не раз слышал от граждан Польши, беседуя с ними по-польски на тему нашей общей истории. И, в самом деле, почему музей, располагающий многими хорошими и достоверными экспонатами о прошедшей войне, не раскрывает всей правды о ней, а демонстрирует в изобилии только отдельный ее фрагмент – ВОВ? Ведь не только для поляков, но и для половины белорусов и трети украинцев указанная война началась не 22 июня 1941 года, а 1 сентября 1939-го. И первой жертвой немецкой, а с 17 сентября 1939 года и советской агрессий стала Польша. Немцы на юге подошли к окраинам Львова, а в нашей местности они захватили Брест и Кобрин и приблизились к Дрогичинскому району. Немецкие самолеты постоянно кружили в небе, обстреливая не только отступающие части и группы солдат польской армии, но и подозрительные, на их взгляд с высоты, объекты. Так, возле нашего дома росла березовая роща, которую два немецких самолета на низкой высоте облетали вокруг, как бы заглядывая внутрь леса. Я стоял на краю рощи и видел лица летчиков. Развернувшись, эти самолеты тут же стали стрелять по кучкам льна на лугу, приготовленным женщинами для расстилки на траве. В первые дни войны мирное население Западной Беларуси и Украины пострадало мало. Другое дело молодые мужчины, мобилизованные на войну или служившие в тот момент в польской армии. Но о них мы расскажем отдельно, а теперь перейдем к описанию музея.



Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I.

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II.

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III.

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV.

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V.

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Правительство Германии
И. РИББЕНТРОП.

На боковой стенке у входа в смотровой зал висит пожелтевший листок газеты «Правда» с заголовком о заключении в ночь с 23 на 24 августа 1939 года «Советско-германского договора о ненападении». На этом договоре, как известно, первым расписался товарищ Молотов, поэтому большинство российских историков именует его Пактом Молотова-Риббентропа. Хотя в западной печати чаще встречается название «Пакт Риббентропа-Молотова». Всей процедурой той роковой советско-германской сделки дирижировал тов. Сталин, который согласился на заключение такого договора только при условии подписания приложенного к нему *секретного Протокола по разделу сфер влияния.* Развернутого текста Советско-германского договора в музее вы не увидите, как не увидите весьма красочных фотографий улыбающихся советских вождей с бокалами шампанского, приветствовавших в ту ночь Имперского министра иностранных дел *Genosse Ribbentrop*. И самое главное, вы не увидите фотографии тов. Сталина, поздравляющего и пожимающего руку «товарищу» Риббентропу после награждения и вручения тому ордена Ленина. Не удивительно, что по возвращении в Берлин с высшей правительственной наградой Советского Союза Иоахим Риббентроп тут же поспешил заявить, что в Москве он чувствовал себя, как в кругу своих друзей и товарищей по партии.

Главный документ. Советско-германский договор о ненападении служил лишь ширмой для прикрытия секретного Протокола – основного документа преступной советско-германской сделки. И на этом документе Сталин вежливо предложил первому расписаться партайгеноссе Риббентропу, что и послужило поводом многим зарубежным историкам весь комплект документов, включая и карту раздела Польши с подписью тов. Сталина, называть «Пактом Риббентропа-Молотова. (Хочу заметить, что на этой карте хвостик буквы «н» в размашистом слове «Сталин» заканчивался за пределами голубой линии реки Висла.)

Само собой разумеется, что в музее ВОВ никто вам не покажет этой карты и главного документа секретной сделки между СССР и фашистской Германией по разделу сфер влияния. Доктор исторических наук Михаил Семиряга задается вопросом, существовали ли секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа. И отвечает: «На Западе в их существовании не сомневаются, в советских архивах они не обнаружены (кн. “Вождь, хозяин, диктатор”, 1990). Но для того чтобы представить себе картину событий того времени, вовсе не обязательно опираться на реальные или мнимые секретные протоколы. Достаточно проанализировать официально опубликованные заявления Советского правительства и, главное, вспомнить обстановку после договора, чтобы убедиться, что она в основном совпадает с теми намерениями сторон, какие были сформированы в секретных протоколах. В одном из них, по опубликованным в западной печати текстам, отмечается: «при территориально-политических изменениях в принадлежащих польскому государству областях линия государственных интересов Германии и СССР будет проходить по рекам Писса – Нарев – Буг – Висла – Сан». Но ведь точно те же данные о прохождении демаркационной линии между двумя армиями содержатся и в официальном германо-советском коммюнике, опубликованном месяцем позже, 23 сентября 1939 года.

Существование указанного Протокола советское руководство длительное время скрывало. О нем частично заговорили в период «Перестройки». Прошло довольно много лет со времени распада Советского Союза. Казалось бы, пора и опубликовать полный текст документа в открытой печати и поместить его содержание на одном из стендов музея. Но не тут то было. Если новая Россия продолжает обманывать своих граждан, то почему это делает независимая Беларусь? Привожу текст этого злополучного **Секретного дополнительного Протокола:** *«По случаю подписания Пакта о Ненападении между Германией и СССР нижеподписавшиеся с обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем.*

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев – Висла и Сан. Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение Польского государства, и о границах такого государства, будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий. В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружественного согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный Протокол рассматривается обеими Сторонами как ***строго секретный.***

Москва. 23 августа 1939 г.

За правительство Германии – И. Риббентроп. За правительство СССР – В. Молотов.

Теперь мы видим, уважаемый читатель, насколько лживым является утверждение российских и некоторых белорусских историков, что Советский Союз решительно осуждал агрессивные действия Германии, если сам готовился к таким же захватническим действиям по отношению к своим соседям. Уже через неделю первой жертвой преступного сговора коммунистов с фашистами стала Польша. Но чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, Москва устроила показной фарс переговоров с западными странами.

Военные миссии Франции и Англии в Москве. В учебных пособиях по истории для средних и высших школ в разделе «Великая Отечественная война советского народа» записано, что «Советский Союз предлагал провести международную конференцию для организации системы коллективной безопасности и защиты независимости стран, которым угрожала агрессия со стороны Германии. Однако правящие круги западных стран не высказали должной заинтересованности в ее проведении». Ни слова о том, что в это же время, начиная с 1936 года, в обход Версальского договора, втайне от западных стран, на территории Советского Союза проходили военную подготовку специалисты вермахта (летчики, танкисты и др.). Но это была тайна Полишинеля. Не думаю, чтобы английские или французские разведывательные службы оставили без внимания такой факт.

Сошлемся еще на одну цитату в указанных выше учебных пособиях: «В 1939 году СССР продолжал активные шаги, чтобы побудить правительства Великобритании и Франции к созданию системы коллективной безопасности в Европе…». Летом 1939 г. в Москве начались трехсторонние переговоры по созданию такой системы. Покажем на примере исторических документов, как проходили эти

переговоры (см. кн. «Канун и начало войны, документы и материалы». – Л., 1991 г.). Вот перед нами одна из записей заседания военных миссий СССР, Англии и Франции от 14 августа 1939 года.

(…) Маршал К.Е. Ворошилов. Предполагают ли военные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу? И далее. Предполагаете ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши – через Галицию? И еще. Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию? Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют.

Генерал Думенк (Франция). Я согласен с маршалом, что концентрация советских войск должна происходить главным образом в этих областях, указанных маршалом, и распределение этих войск будет сделано по вашему усмотрению. Я считаю, что слабыми местами польско-румынского фронта являются их фланги и место их стыка. Мы будем говорить о левом фланге, когда перейдем к вопросу о путях сообщения.

Маршал К.Е. Ворошилов. Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорил о концентрации советских сил, а спрашивал насчет того, предполагается ли генеральными штабами Англии и Франции пропуск наших войск к Восточной Пруссии или в других пунктах для борьбы с общим противником.

Генерал Думенк. Я думаю, что Польша и Румыния будут вас, господин маршал, умолять прийти им на помощь.

Маршал К.Е. Ворошилов. А может быть, не будут. Пока этого не видно…

Адмирал Дракс (Англия). Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и Румыния попросят помощи.

Генерал Думенк. Это будет окончательная победа.

Маршал К.Е. Ворошилов. Неизвестно, что будет. В войне всякое бывает. Но это является предварительным условием – пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного разрешения, то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров.

А мы, в свою очередь, зададимся вопросом, почему маршал Ворошилов во время этих переговоров настаивал на пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии, а не соглашался с мнением генерала Думенка и адмирала Дракса в том, что в случае нападения Германии на эти страны они сами попросят Советский Союз прийти им на помощь. Эта демагогическая риторика понадобилась Ворошилову для того, чтобы сорвать переговоры с Англией и Францией и расчистить путь для более «выгодного» соглашения с нацистской Германией. Такое соглашение между Сталиным и Гитлером втайне от западных стран готовилось давно. Сталин и его окружение предпочли союз с гитлеровской Германией и, видимо, считали это важным достижением их политических замыслов. Поэтому во время очередного следующего заседания военных миссий адъютант Ворошилова передал ему «знаменитую» записку Поскребышева (помощник Сталина): *«Ким, Коба* (кличка Сталина – Прим. авт.) *сказал, чтобы ты сворачивал шарманку».* 21 августа 1939 г. переговоры с Великобританией и Францией прекратились, а через два дня, то есть 23 августа, уже был подписан роковой пакт Молотова-Риббентропа. Это была одна из самых крупных стратегических ошибок Сталина. Можно согласиться с мнением Уинстона Черчилля, что *«Сталин и его комиссары в тот момент обнаружили редкую недальновидность».*

Представляет интерес заявление Гитлера накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа: «По всей вероятности, мне не избежать альянса с Россией. Я буду придерживать это как мою последнюю козырную карту. Возможно, это будет величайшей игрой в моей жизни. Но ничто не удержит меня от изменения курса и нападения на Россию после достижения моих целей на Западе». А как оценивал заключение указанного пакта сам Сталин? В беседе с Димитровым 7 сентября 1939 г. он заявил: «Мы не возражали бы, если бы они (империалисты) сцепились в хорошей драке и ослабили друг друга… Гитлер, не предполагая и не желая того, ослабит и подорвет капиталистическую систему. Мы можем маневрировать, сталкивать одну сторону с другой так, чтобы они лупили друг друга как можно лучше».

Вот вам, уважаемый читатель, и знаменитый «Ледокол революции» (см. кн. Виктора Суворова), который, по замыслу Сталина, должен был «превратить империалистическую войну в войну революционную». Но история распорядилась иначе, и два тоталитарных государства стали сами нещадно «лупить друг друга».

Каким видится правдивое освещение Второй мировой войны и событий ВОВ? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять и признать азбучную истину: Великая Отечественная война, унесшая миллионы жертв и причинившая столько страданий советскому и другим народам, явилась результатом преступного замысла главного кремлевского стратега. Напрасно видные российские интеллигенты и ученые предупреждали российских большевиков, что осуществление их идеи *мировой революции* обречено на провал. Кремлевские политики не обратили на это внимания и продолжали гнуть задуманную линию, доведя свою страну до нищеты и голода.

Приведу несколько исторических фактов (или примеров) пагубной политики советских вождей. Один из этих фактов мне хорошо известен. В 1938 – 1939 гг., в период напряженной политической обстановки, мы, польские школьники, распевали «патриотическую» песенку: «Choć będziemy gęodni, jak ci bolszewicy, nie dopuscim

niemca do polskiej granicy…». В этой песенке отражена и угроза немецкой агрессии, и некоторая самонадеянность польского общества, которое, надеясь на Францию Англию, не предполагало, что в трагические дни борьбы польской армии с немецким агрессором те же самые «голодные большевики» нанесут ей удар в спину.

Игорь Ганикевич, автор книги «Вторая мировая война» (2019), пишет: «Неужели польское руководство не догадывалось, что при первом же военном столкновении с Германией те же Советы оттяпают у Польши те территории, которые входили в Российскую империю? Если нет, то как они оказались в правителях? Я, конечно, понимаю, что им было обещано величайшее покровительство от двух самых больших в мире империй. И что? Разве это давало им право ввергать народ в войну на два фронта? Их выбрал польский народ, и они были обязаны в первую очередь защищать его интересы. Польское руководство несет полную ответственность перед своим народом за те 50 лет, начиная с 1939 г. и заканчивая 1989 г., которые они прожили под советским сапогом».

С этим выводом автора нельзя согласиться полностью. Если бы Польша пошла на уступки Гитлеру, а тем более заключила с ним какой-либо союз, то она покрыла бы себя непростительным несмываемым позором. К тому же Гитлер, кроме Гданьска, потребовал предоставить ему коридор шириной 25 км для строительства автострады и железной дороги, соединяющих Пруссию с основной частью Германии. Польское руководство, действительно, совершило большую историческую ошибку, не предоставив автономий для западных белорусов и украинцев со столицами в Вильне и во Львове – духовными и культурными центрами этих народов. Если бы Пилсудский сдержал свое прежнее обещание в отношении автономий, то еще не известно, как бы сложились исторические события в роковом 1939 году. Во всяком случае, Москва и ее Коминтерн не имели бы столь значительного числа своих сторонников среди западных белорусов и украинцев.

Вина польского руководства (особенно ее военной разведки) заключается и в том, что оно не обратило должного внимания на начавшееся задолго до описываемых событий (довольно подозрительное) торгово-экономическое и военно-политическое сближение двух, на первый взгляд, противоположных идеологически тоталитарных режимов – коммунистической России и фашистской Германии, извечных врагов Польши. Не имея общей границы, эти два государства вдруг заключают весьма странный «Договор о ненападении». Поэтому даже за оставшуюся неделю до начала войны (с 23 августа по 1 сентября 1939 г.) поляки должны были заявить всему миру, что Россия и Германия готовят очередной преступный 4-й раздел Польши и готовы развязать Вторую мировую войну. Отсюда вытекает, что какие бы доводы не выдвигали советские и нынешние российские историки в оправдание договора о ненападении, ясно, что дополнительный секретный протокол изобличает всю низменную сущность коммунизма и ставит его в один ряд с фашизмом. Указанный протокол, прикрытый договором о ненападении, нанес по Коминтерну гораздо более сильный удар, чем гитлеровский антикоминтерновский пакт. И еще. Когда немецкая защита на Нюрнбергском процессе представила суду текст Секретного дополнительного Протокола, советские судьи пришли в замешательство и стали отрицать наличие такого документа. Почему Международный трибунал не стал рассматривать указанный документ, можно только строить предположения.

А теперь перейдем к другому важному вопросу. Каким образом полунищий Советский Союз намеревался совершить мировую пролетарскую революцию? Капиталистические страны, осознав опасность коммунизма, использовали все способы, чтобы в зародыше задушить все его проявления. Руководители Коминтерна понимали, что шансов на мировую революцию почти не осталось. Сама страна советов не являлась примером экономического благополучия, и у многих коминтерновцев появились сомнения в отношении преиму-

щества бесклассового общества и той марксисткой догмы, которой они служили. Время от времени Коминтерн предпринимал грандиозные попытки осуществить на практике знаменитый лозунг Маркса «Пролетарии вех стран, соединяйтесь!» – но с крайне низкими результатами. А в самом Советском Союзе из-за ущербной экономической системы жить становилось все труднее и труднее. Нищета и голод из провинции все ближе подступали к Москве. Руководство Коминтерна старалось создать для иностранцев более-менее сносные условия, и уровень их жизни был действительно гораздо выше, чем у среднего советского человека. Однако от царившего в городе хаоса, бедности и беспорядков оградить коминтерновцев было трудно. Их тоже, как и всех москвичей, постоянно обворовывали. На улицах Москвы они видели толпы нищих людей, особенно много было прибывающих из Украины, у Киевского вокзала. Трудно было иностранцу поверить, что на украинских черноземах царит голод. Но большевики под «мудрым» руководством партии Ленина-Сталина сумели превратить в «голодную зону» не только Украину, но и другие богатейшие регионы страны. И на этом они не остановились, не извлекли полезных для страны ни экономических, ни политических уроков, а продолжали гнуть палку своих социальных заблуждений, основанных на идее марксизма-ленинизма.

Были ли это только идейные заблуждения или в развязывании голодомора и террора играли роль еще какие-то характеристические особенности коммунистических вождей? Приведем по этому поводу исторический взгляд французского ученого с русскими корнями Николя Верта: «Голод 1932 – 1933 годов стал решающим эпизодом в процессе становления репрессивной системы, выступающей то против одной, то против другой группы населения. Насилие, пытки, смертные приговоры целым группам и слоям населения привели к ужасающему регрессу, политическому и социальному одновременно. Появилось много местных деспотов и тиранов, готовых на все, чтобы забрать у крестьян запасы, и воцарилось

варварство. Лихоимство превратилось в повседневную практику, перестали быть новостью брошенные дети, каннибализм, эпидемии и грабительство, как-то само собой организовались “бараки смертников”, крестьяне познали новую форму рабства – и все это по указке государства!

Как «провидчески» писал Серго Орджоникидзе своему коллеге Сергею Кирову в январе 1934 года: «Наши кадры, прошедшие через ситуацию 1932 – 1933 годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно построить Государство, которого история еще не знала». И они построили такое государство. Это было государство нищеты и рабства, покрытое сетью концлагерей ГУЛАГа, которое стало угрожать всему миру экспансией коммунизма. Можно только удивляться (и ужасаться) такой извращенной психологии представителей старой ленинской гвардии. Как тут не вспомнить слова Энгельса, который в одном из своих сочинений писал, что извратить и деформировать марксизм могут политические деятели такой отсталой страны, как Россия. Но корни такой деформации и, я бы добавил, неоправданной жестокости произрастают из этно-генетических особенностей России, о чем будет сказано ниже.

Страх коммунизма. В официальных советских документах сказано, что задачу об организации III Интернационала Ленин выдвинул еще в 1914 году, полагая, что эта организация станет центром сплочения разрозненных отрядов пролетариата для подготовки и свершения мировой социалистической революции (собр. соч. Ленина, том 26). На подрывную деятельность Коминтерна в странах Западной Европы затрачивались огромные средства страны советов за счет обнищания собственного народа. Но никто так обстоятельно не раскрыл всю негативную сущность этой «международной» организации, как это сделала Айно Куусинен, жена Отто Куусинена, известного деятеля Коминтерна. Ее книгу-исповедь «Господь низвергает своих ангелов» нельзя читать без содрогания. Она пишет, что третий Коммунистический интернационал в условиях со-

ветской действительности вскоре потерял свою политическую и социальную привлекательность для лидеров других компартий и представителей международного рабочего движения. Да и о какой привлекательности идей коммунизма могла идти речь, если в столице страны советов, где размещался штаб Коминтерна, иностранцы могли наблюдать бытовую неустроенность местного населения, длинные очереди у продовольственных и промтоварных магазинов, неприглядный вид московских улиц и прочие негативные картины.

Вот первое впечатление о Москве Айно Куусинен: «Приехав в Москву (1922 год) я скоро поняла, как безрадостна и тяжела стала жизнь народа после большевистской революции. Между уровнем советской элиты и рабочего класса была пропасть, заставившая меня утратить веру в преимущества бесклассового общества». В качестве примера автор приводит свою семью и семьи других высокопоставленных советских чиновников, которые пользовались бесплатными квартирами, дачами, машинами и домашней прислугой. «Наша экономка, – пишет Айно, – когда шла для нас за продуктами, деньги ей были не нужны: у нее было три книжечки, одна предъявлялась в молочном государственном магазине, где она "покупала" молоко, масло и сыр, другая – в государственном мясном, третья – в рыбном. Когда она выходила из магазина с тяжелыми сумками, женщины в очереди поднимали шум».

Айно эту неприглядность советской действительности наблюдала в двадцатые годы прошлого столетия, но ей довелось видеть еще более мрачную картину страшного голодомора начала тридцатых годов. Неудивительно, что страх коммунизма и реальная опасность гражданской войны по примеру Испании делала западные страны весьма покладистыми в переговорах с Гитлером. Сам он, придя к власти в 1933 году после устроенного его партией инцидента с поджогом Рейхстага, быстро расправился с коммунистической угрозой, запретив при этом не только КПГ, но и все другие политические партии, кроме своей, и установил диктатуру с расстрелами

и концлагерями наподобие той, что уже существовала в Советском Союзе.

Но в отличие от страны Советов, в которой в те годы в результате раскулачивания и физического истребления самой дееспособной части крестьянства возник указанный массовый голодомор, Германия под руководством Гитлера быстро справилась с экономическими трудностями и превратилась в одну из самых развитых стран Европы. Быстрый рост основных экономических показателей и благосостояния простых немцев вызвал удивление у многих иностранных наблюдателей, а сам Гитлер получил невиданную поддержку и одобрение своей политики со стороны абсолютного большинства населения Германии. Даже товарищ Сталин признал этот факт. Так, после подписания пакта Молотова-Риббентропа в ходе беседы он неожиданно предложил тост за фюрера: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье».

И Сталин не кривил душой, это, действительно, было так. Хотя сам он и его комиссары превратили Россию в страну нищеты и голодомора. Польские довоенные газеты, которые мне доводилось читать, также много писали об удивительном росте немецкой экономики и нищете в СССР. Вызывает удивление оригинальный подход Гитлера к проблеме сельского хозяйства. Когда в 1933 году он пришел к власти, земледельцы в Германии находились в отчаянной нужде. Доходы от сельского хозяйства снизились, общий долг вырос до 12 миллиардов марок. Весной того же года Гитлер заявил: «Мои товарищи по партии! У вас должна быть полная ясность по одному вопросу: у немецкого крестьянина остался последний и единственный шанс выжить. Крах немецкого крестьянства станет крахом всего немецкого народа». Можно только удивляться, откуда у фюрера, коренного горожанина, столь ясное понимание нужд земледельца, поднятое им до уровня национальной программы, которая, по немецким обычаям, сопровождалась сентиментальной пропагандой.

Суть ее сводилась к тому, что крестьянство – это соль земли и главная опора Третьего рейха. Эти сентименты можно оправдать, если учесть деловой подход Гитлера к решению самой проблемы.

Как жаль, что такого делового подхода к проблеме сельского хозяйства не было ни у Сталина, ни у его ближайших соратников. Если рассматривать эту проблему шире, то следует указать на негативную роль российской интеллигенции в оценке доли самого бедного в Европе российского крестьянства. Тот же Максим Горький моральные качества босяка Челкаша ставил выше бедного русского мужика, забывая о том, что нищета нередко доводит человека до самого отчаянного поступка и преступления. А Лев Николаевич Толстой, к голосу которого прислушивалась вся просвещенная Россия, выступил с резкой критикой столыпинской земельной реформы. Не зря его Ленин назвал «Зеркалом Русской революции».

Большевики как огня боялись зарождения среднего класса, возможного противника их преступных замыслов. На российскую нищету простых людей (рабочих), социальную и бытовую неустроенность российских деревень безучастно веками глядела Русская православная церковь (РПЦ), которая никогда не поднимала свой голос протеста против крепостного права. И даже после его отмены РПЦ оставалась безучастной к судьбе полунищего российского крестьянина. И он ее не особенно ценил, и легко от нее отрекся по призыву большевиков. Известный историк Андрей Буровский показал на ряде исторических фактов негативную роль московского православия, которое в свое время предпочло иго Золотой Орды, лишь бы избежать союза с Западом. А Александра Невского, который предал монголам своего младшего брата Андрея, РПЦ причислила к лику святых, и он стал «Именем России» в наши дни. Ленин боялся церкви и, чтобы экранировать ее влияние, действовал по упрощенной схеме, объявив религию «опием для народа», чем и инициировал террор против духовенства. Эти крайние меры привели к построению аморального государства, каким стал Советский Союз.

В статье-интервью «Куда летишь, общество?» («АиФ», № 9, 2013) Виталий Цепляев, обращаясь к известному писателю и публицисту Александру Проханову, ставит вопрос: «Геннадий Зюганов (лидер КПРФ) заявляет: мол, проповеди Христа и моральный кодекс строителя коммунизма – почти одно и то же. Мы сегодня и храмы возрождаем, и Ленина, призывающего “вешать попов”, из Мавзолея не выносим. Чтим и царей, и убивавших революционеров, именами последних названы многие улицы. Можем ли мы с такой кашей в голове идти вперед? Не пора ли определиться с кумирами?».

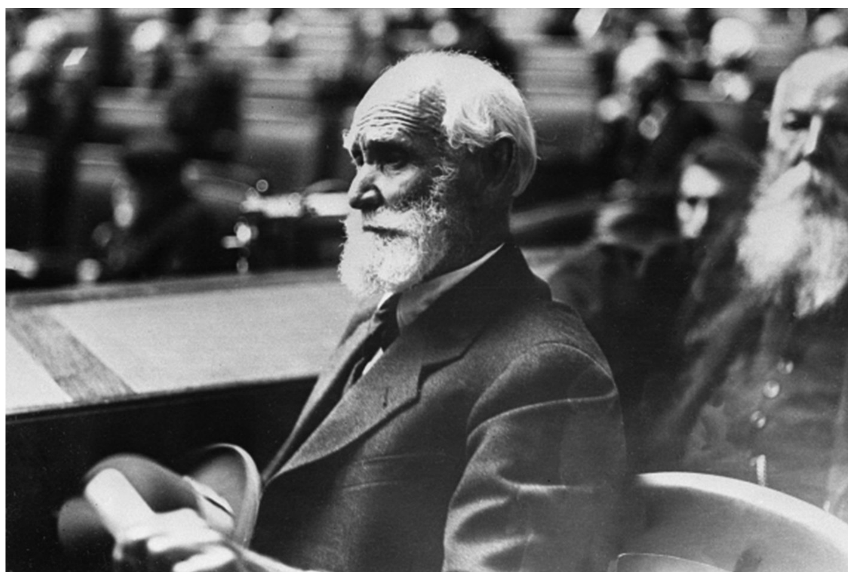
Но вернемся к описанию экономических успехов Германии. Решать проблему сельского хозяйства Гитлер поручил Дарре, который оказался незаурядным специалистом-аграрником с университетским образованием. Ранее он служил в министерстве сельского хозяйства и написал книгу под броским названием «Крестьянство как источник жизни нордической расы». Такой заголовок обратил внимание Рудольфа Гесса, который представил Дарре Гитлеру. Своей компетентностью Дарре произвел на фюрера такое впечатление, что он поручил ему разработать соответствующую аграрную программу партии. В июне 1933 года его назначили министром продовольствия и сельского хозяйства. Дарре сумел в короткие сроки организовать производство, переработку и сбыт сельхозпродукции по ценам, выгодным для крестьянина, и превратил Германию в страну, которая полностью обеспечила себя продовольствием. «Разве это не экономическое чудо? – писали тогда польские газеты. – За два года своего правления Гитлер ликвидировал безработицу и накормил страну».

Но ведь у Сталина было гораздо больше возможностей превратить Советский Союз в богатейшую страну, будь он более внимательным к мнению специалистов, а не отталкивать их, как это сделал он по отношению к академику Вавилову: «Это вы, профессора, думаете так, а мы, коммунисты, думаем иначе». Думая «иначе», они построили государство нищеты, злобы и агрессии. «Разру-

шительную миссию этого государства увидели многие российские интеллигенты: Владимир Короленко и Иван Бунин, Иван Павлов и Владимир Вернадский, Николай Бердяев и многие другие», – пишет Александр Яковлев в своей книге «Сумерки» (2005). Но было уже поздно.

Приведу еще раз пророческие слова известного физиолога, нобелевского лауреата академика Ивана Петровича Павлова, которые он изложил в своем письме в Совнарком СССР 21 декабря 1934 года:

«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших революций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, – террор и насилие.



Иван Павлов на XV Международном конгрессе физиологов, 1935 год. Ленинград

Но мне тяжело не от того, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а от того, что делается у нас, и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей Родине».

Ай, да академик Павлов, труды которого по условным и безусловным рефлексам, объясняющие многие физиологические и патологические процессы в организме человека, мы штудировали от первого до последнего курса медицинского института! Нам и в голову не приходило тогда, что этот великий ученый еще и умнейший политический прозорливец. Будет ли когда-нибудь это бессмертное письмо академика Павлова помещено в исторических музеях России и Беларуси? Я лично убежден, что такое время – время исторической правды – наступит. Уверенности такой надежде придают последние события в Украине, которая успешно освобождается от большевистской скверны и лжи о событиях прошедшей войны.

А теперь попытаемся ответить на важный и довольно щекотливый вопрос: кто же все-таки развязал Вторую мировую войну, а, следовательно, и Великую Отечественную? И почему ангажированные российские и белорусские историки и политики, а следом за ними СМИ и музейные работники так фрагментарно оценивают указанные события, выделяя на первое место следствие (ВОВ), а не причину?

Идея мировой революции и Вторая мировая война. Еще Троцкий писал: «Всю нашу надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию». От этой бредовой идеи своих наставников Ленина – Троцкого, использовать Россию в качестве факела «Мировой революции», Сталин и его комиссары не отказались. *Отметим, что политическая обстановка в СССР в 30-е годы прошлого столетия была насыщена пропагандой мировой революции и скорой кончиной капиталистического строя, обреченного согласно учению Маркса-Ленина-Сталина на неизбежную гибель.* Вся довоенная пресса Советского Союза и мощная маши-

на агитпропа были проникнуты этой идеей. Не по этой ли причине кремлевские вожди (они оказались политическими недоумками), сами того не предполагая, приближали страну к катастрофе в результате развязанной ими Второй мировой войны? Академик Павлов разгадал преступный замысел этой кремлевской камарильи, когда писал: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а фашизм». И за пять лет до подписания пакта Молотова-Риббетропа и не менее преступного секретного Протокола по разделу сфер влияния предупреждал кремлевских безумцев, что их надежды на мировую революцию тщетны, а политические действия ошибочны, так как они «грозят серьезной опасностью моей Родине», заключил тогда свое письмо И.П. Павлов.

Пакт Молотова-Риббетропа, а фактически союз коммунистов с фашистами, вызвал недоумение во всем мире и посеял тревогу и разочарование среди коммунистических и рабочих партий Запада. Сталину казалось, что он двинул события в нужном направлении. Советское правительство этим пактом фактически давало Гитлеру карт-бланш для нападения на Польшу. Агрессия против этого государства автоматически включала объявление войны Германии со стороны Франции и Англии. «Теперь эти страны сцепятся в хорошей драке и ослабят друг друга». Так упрощенно по своему недомыслию рассчитывал Сталин. Но на поверку в этой ситуации он оказался недальновидным политиком. Ослепленный своим геополитическим замыслом, он шел напролом, не понимая, что играет с огнем и толкает собственную страну в жерло войны.

Трагедия, не представленная ни в белорусском музее ВОВ, ни в российских СМИ. Почему компартия Польши и ее филиалы КПЗБ и КПЗУ находились под подозрением у Сталина (точнее, вызывали нелюбовь диктатора)? Почему в марте 1938 года эти партии были распущены, а их лидеры и многие другие активисты под разным предлогом заманены в СССР и расстреляны в подвалах тюрем НКВД? Ответ может быть только один. Такими действиями Сталин

устранял наиболее мощную преграду на пути давно задуманного сближения СССР с нацистской Германией. (Мы уже упоминали о тайной подготовке военных специалистов вермахта на территории СССР.) Вот и авторы книги «Революционный путь компартии Западной Беларуси» (А.Н. Мацко и др.), как бы недоумевая, пишут: «В обстановке несомненных успехов по созданию рабочего и антифашистского народного фронта, в условиях общего подъема революционного и национально-освободительного движения в Польше, Западной Беларуси и Западной Украине, накануне Второй мировой войны КПП и ее филиалы были распущены Исполкомом Коминтерна и прекратили свое существование». Далее авторы перечисляют многочисленные жертвы сталинского террора до и после роспуска указанных компартий. Эти примеры массовой расправы хозяина Кремля с огромным числом фанатично преданных сомнительной идее коммунистов впечатляют. Но в музее вы не увидите фотографий жертв этого террора. О них предпочитает не вспоминать российская и белорусская пресса.

Весьма детально политическую обстановку 1937 – 1938 годов описывает Н.С. Орехво, видный деятель КПЗБ, в своей книге «Дела и люди КПЗБ» (1983). Находясь в Праге, он выполнял в те годы важную роль в переправе польских и белорусских добровольцев в интернациональные бригады во время войны в Испании. Приведу фрагмент из его книги:

«На очередной встрече со мной осенью 1937 года Скульский (член ЦК КПП) сообщил, что должен оставить Прагу, т. к. его вызывают в Политбюро в Париж. Он не знал, долго ли там пробудет и поедет ли оттуда дальше, но на всякий случай, поручил мне временно принять на себя руководство Пражским центром КПП. “Особенно не беспокойся, – говорил он. – Максимум через месяц вернусь…” Шло время, аппарат Центра работал. Однако охватившее нас чувство какого-то беспокойства не рассеивалось, а возрастало. Срок предполагаемого возвращения Скульского давно истек, а от него ни звука (Стефан

Скульский той же осенью 1937 года уже был расстрелян в Минской тюрьме НКВД.) Положение ухудшилось. Краевой секретариат ЦК КПЗБ посылал нам тревожные письма: окажите хоть небольшую денежную помощь, объясните, в чем дело? А что мы могли помочь, что объяснить, если сами толком ничего не знали…».

Так хозяин Кремля расчищал путь для сближения с Гитлером.

Зададимся вопросом, почему эти и другие видные деятели указанных компартий, политически испытанные бойцы подпольного движения, смелые солдаты и командиры на фронтах гражданской войны в Испании, так заблуждались и стали жертвами фальшивой идеи? (У того же Орехво в те роковые дни, когда он находился в Праге, в Минске в тюрьме НКВД уже была расстреляна его жена. А сам он уцелел – какой парадокс истории! – благодаря аресту и пребыванию в тюрьме Гестапо после оккупации немцами Чехословакии.) Укажем на важный факт. За четыре года до указанных трагических событий (в 1934 году) вышла книга Франтишека Алехновича «У капцюрох ГПУ». Ее автор, известный драматург и видный деятель белорусской культуры, написал эту книгу, выйдя на свободу после семи лет каторги на Соловках. Книга была переведена на все европейские языки. Ее, без сомнения, прочли уважаемые герои нашего рассказа. И не поверили! А ведь впереди было еще четыре года на раздумье. Неужели эти достаточно образованные люди были так ослеплены бредовой идеей коммунизма и советской пропагандой? Примерно в эти же годы я, ученик 4-го класса, принес из школьной библиотеки книжку «Tajemnica starego Makara», в которой рассказывалось о колхозной нищете по другую сторону польско-советской границы. Познакомившись с ее содержанием, мой отец, активист КПЗБ, заявил, что это выдумки польской пропаганды. Так он слепо верил тем листовкам Коминтерна, которые распространял по заданию своего секретаря комячейки. Но ведь он был простым сельским мужиком. Но почему верили другие? Затронутая тема относится к области парапсихологии и потере рассудка под влиянием массового

религиозного или такого же наведенного партийного (идеологического) психоза.

Краткое отступление. Подобным приемом массового оболванивания населения широко пользуется нынешняя российская пропаганда. Всем нам памятны события лета 2014 года: Аннексия Крыма и массовые митинги на площадях российских городов. Ревущая толпа под красными знаменами с былой советской символикой выкрикивала антиукраинские лозунги и пела:

«Если завтра война,
Всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока…».

А под звуки этой песни российские танковые соединения двинулись к восточным границам Украины, готовые к вторжению на ее территорию. Альфред Кох назвал это явление «массовой истерией». Но ведь эта «истерия» наступила с подачи государственных деятелей, и она – не такое уж безобидное явление. И народы мира насторожились, понимая, что Россия не простая, а ядерная держава. И эта держава, как и прежде, почуяв силу, начинает играть с огнем. И тут нельзя не указать на просчеты российского руководства и возникшие экономические и политические трудности, связанные с такой опасной «игрой». (Невольно вспоминается старый анекдот: «Армянское радио спросили, как русские борются с трудностями? Ответ: Они их создают, а потом борются».) Эти события затрагивают и нашу Беларусь. Нам не безразлична и судьба России. Поэтому хочется спросить, когда же наступит у этой страны прозрение и она перестанет наступать на одни и те же исторические грабли?

Продолжим нашу главную тему. Только после смерти Сталина преступное его действие по роспуску компартии Польши (и ее филиалов) было осуждено на XX съезде КПСС. Вот как об этом вспоминает Н. Орехво: «В газете “Правда” от 21 февраля 1956 г.

прочел заявление центральных комитетов коммунистических партий Советского Союза, Италии, Болгарии и Финляндии совместно с ЦК Польской объединенной рабочей партии по поводу роспуска КПП в 1938 году. В нем говорилось, что роспуск компартии Польши был необоснованным. Все это взволновало меня до глубины души. Читал это заявление несколько раз, осмысливая каждое слово и обдумывая создавшееся положение. Было ясно: это сделает поворот в отношении к бывшим членам КПП, КПЗБ, и КПЗУ, к истории этих партий». Но такого «поворота», судя по стендам исторического музея ВОВ, сами герои (живые и мертвые) и их потомки так и не дождались.

Вопрос для размышления. Знают ли работники СМИ и исторических музеев России и Беларуси (а точнее, может ли это уложится в их сознании), что Великая Отечественная война, о которой они так много вещают и экспонаты которой они показывают и поясняют посетителям, – это, образно говоря, рукотворное порождение самих русских? Это те самые трудности (но иного масштаба), созданные русскими (кремлевскими вождями), с которыми потом пришлось отчаянно бороться русскому и другим народам. Такая постановка вопроса может показаться на первый взгляд странной, если стоять на позициях советской и нынешней (официальной) российской и белорусской историографии. В 1939 году Сталин мог «казнить или помиловать Гитлера» (выражение Марка Солонина). Он его помиловал. Для чего? Он видел в нем и в руководимой им нацистской Германии мощную разрушительную для западной демократии силу, способную проложить (или расчистить) путь для второго освободительного похода Красной армии в Европу. (Первый, как мы знаем, оказался неудачным – разгром в 1920 году Красной армии под Варшавой.)

Можно было по-разному назвать пробивную (раскалывающую) силу немецкого фашизма, но Виктор Суворов выбрал наиболее удачное определение: «Ледокол революции». Этому «Ледоколу

революции» со стороны Советского Союза была оказана самая эффективная экономическая и военная помощь. На советской территории в обход Версальского договора проходили в закрытом режиме подготовку военные специалисты вермахта (немецким курсантам присваивали русские фамилии), что, конечно, было тайной Полишинеля для западной военной разведки. В этой связи считаю уместным привести интересный рассказ моего бывшего заместителя по административно-хозяйственной части Алатырцева Константина Ивановича, подполковника в отставке.

«Во время войны я был заместителем по политчасти командира лётной дивизии. В авиации политработник должен сам служить примером и принимать активное участие в боевых полетах. Летом 1942 года на границе Курской и Воронежской областей мы в спешном порядке покидали наш аэродром и не успели эвакуировать наши семьи. Переживали страшно. Каково же было наше удивление, когда мы снова вернулись на наш аэродром и застали живыми свои семьи. Оказывается, после нас на этот аэродром прибыл сам маршал Геринг. С некоторыми женами старших офицеров он был лично знаком, т. к. в 1936 – 1937 гг. несколько раз прилетал на этот аэродром инспектировать подготовку своих воздушных асов. Он приказал взять на довольствие брошенные семьи советских летчиков и не чинить им никаких неприятностей. И еще. В планшетах сбитых немецких летчиков мы увидели на картах непонятные знаки в точках нескольких наших аэродромов. Оказывается, это были те аэродромы, на которых ранее тренировались немецкие курсанты, и по приказу Геринга в этих местах не следовало бомбить ближайшие к аэродрому жилые здания».

Такова была своеобразная военная этика маршала Германа Геринга.

Продолжим нашу основную тему. Мировую общественность в одинаковой мере пугала красная и коричневая угроза демократическому правопорядку, и она с тревогой следила за нарастающим

сближением двух тоталитарных режимов. Вскоре последовали различные торговые советско-немецкие соглашения по поставкам советской нефти и других стратегических материалов в обмен на поставку в СССР немецких машин и другого технического оборудования. Казалось бы, ничего особенного. Обычная практика международных отношений. Но страны Запада догадывались, что указанное сближение двух тоталитарных режимов вскоре перерастет в тайное соглашение по разделу сфер влияния, которое неизбежно приведет к войне.

На пути к такому сближению советских коммунистов с немецкими национал-социалистами стояла Польская коммунистическая партия и ее филиалы КПЗБ и КПЗУ с их довольно выраженной традицией антифашистской борьбы. Такая позиция этих партий не устраивала Сталина и его комиссаров, намерившихся осуществить планы задуманной ими большой игры, которая на поверку, как всем теперь известно, обернулась крупным проигрышем в виде затяжной истощающей войны, названной Отечественной, чтобы замаскировать просчеты сталинской внешней политики. В начале этой игры политические события развивались по задуманному сталинскому плану: за год до заключения пакта Молотова-Риббентропа КПП и ее филиалы были распущены, а их лидеры и самые видные члены эти партий расстреляны в подвалах Лубянки или в тюрьмах НКВД Минска и Киева. Уцелевшие остатки КПП и компартии Германии, оказавшиеся на территории СССР, были переданы Гитлеру (в руки гестапо) после заключения указанного пакта. К сожалению, в музее ВОВ нет стенда, посвященного этим трагическим событиям, предшествовавшим Второй мировой войне, как нет и фотографий погибших в застенках НКВД видных деятелей компартии Западной Беларуси.

Заключение пакта Молотова-Риббентропа и приложенного к нему секретного Протокола по разделу сфер влияния стало кульминацией стратегической политики Кремля. Если верить Никите

Сергеевичу Хрущеву, «Сталин после подписания этих соглашений ходил гоголем и в кругу своих соратников все повторял: “Надул Гитлера, надул”». И, действительно, он не сомневался в успехе своих планов. Так неумолимо кремлевский диктатор приближал катастрофу Второй мировой, а следом за ней и Отечественной войны. Многие российские историки дают правильную оценку событиям накануне этой войны. Но наиболее точно, на наш взгляд, выразил ее Марк Солонин, заявляя, что в сентябре 1939 года Сталин мог «помиловать или покарать Гитлера». Этот историк и автор известной книги «22 июня, или Как начиналась Великая Отечественна война» (2006) дал следующее пояснение своим словам: «Если бы соглашение было подписано не с Германией, а со странами Запада, то Гитлер вряд ли рискнул бы напасть на Польшу. В случае же совершения такой акции война закончилась бы на территории Польши полным разгромом вермахта. И второе. Возможно, в такой ситуации немецкие генералы и старшие офицеры вермахта осуществили бы давно задуманный ими заговор против Гитлера». В этой связи остановимся вкратце на данных немецкого историка И. Феста об этом заговоре (кн. «Гитлер. Триумф и падение в бездну», 2006).

Заговор. Речь идет о группе генералов и старших офицеров, целью которых было предотвращение войны. И та радикальность, с которой Гитлер взял курс на развязывание конфликта, заставила их пойти на разработку плана переворота и устранения Гитлера с политической сцены. Движущей силой и посредником между всеми группами стал руководитель Центрального отдела Абвера полковник Ганс Остер. Его немецкий историк Иоахим Фест характеризует как человека, своеобразно сочетавшего в себе нравственность и хитрость, изобретательность, психологический расчет и принципиальность. К тому же он давно стал критически относиться к Гитлеру и национал-социализму и старался приобщить к своим взглядам своих товарищей. Началом указанного заговора можно считать 5 ноября 1937 года. В этот день Гитлер созвал совещание с узким кругом

лиц. На этом совещании он попросил собравшихся рассматривать предлагаемые тезисы как завещание на случай преждевременной его смерти (довольно ловкий прием, используемый многими диктаторами). Суть этих тезисов сводилась к обеспечению и приумножению немецкого народа, которому, дескать, для этого не хватает жизненного пространства. Поэтому, заявил Гитлер, «для решения германского вопроса может быть только один путь – путь насилия».

У части собравшихся генералов эти идеи фюрера вызвали значительную тревогу. Последующая дискуссия принимала подчас резкую форму. Против планов Гитлера выступили известные генералы Нейрат, Фрич и сам военный министр Бломберг. Они и стали жертвами грядущей кадровой чистки. (Заглядывая вперед, отметим, что эти обстоятельства спасли их от виселицы за военные преступления.) Совещание окончательно убедило Гитлера, что его планы, требовавшие готовности к риску, крепких нервов и своего рода разбойничьей отваги, нельзя было осуществить, опираясь на осмотрительных представителей старого буржуазного слоя. Их осмотрительность и стремление настоять на своем доводили его до белого каления, что еще больше усиливалось его антибуржуазными чувствами. Он ненавидел их высокомерие, их сословную претенциозность. Проблема оппозиции Бломберга, Фрича и Нейрата требовала от фюрера срочного решения. Сталину в подобных ситуациях было «легче». В условиях затравленного чекизмом советского общества он мог решать подобные проблемы по упрощенной формуле: «Нет человека – нет проблем». Несмотря на идеологические сходства двух тоталитарных режимов, Гитлер так поступить не мог.

В отношении Бломберга, главной фигуры оппозиции, фюреру помог случай. Задолго до этих событий у генерала умерла первая жена, и он вознамерился вновь жениться. Его избранницей стала стенографистка в военном министерстве Эрна Грун, женщина с «известным прошлым», которая не отвечала строгим сословным критериям, принятым в офицерском корпусе. Нуждаясь в совете, он,

как к коллеге, доверился Герингу, и последний настоятельно рекомендовал ему жениться. 12 января 1938 года состоялось венчание. Свидетелями были сам Гитлер и Геринг. Но уже через несколько дней пошли слухи, что брак фельдмаршала оказался мезальянсом, так как его новая супруга в свое время находилась в поле зрения полиции нравов и иногда подрабатывала в качестве фотомодели для непристойных фотографий. Вот как об этом пишет И. Фест: «Когда через 12 дней Бломберг вернулся из короткого свадебного путешествия, Геринг уведомил его, что он после такого скандала больше не может занимать свой пост, офицерский корпус также не видел оснований вступиться за генерал-фельдмаршала, который так долго со столь юношеским энтузиазмом находился под очарованием Гитлера. Двумя днями позже его принял с прощальным визитом Гитлер, сыгравший мастерски свою роль: "Эта история легла слишком большим грузом на меня и на Вас, – заявил он, – я не мог больше делать вид, что ничего не случилось. Мы должны расстаться… Когда пробьет час Германии, – сказал в заключение Гитлер, – я увижу Вас рядом с собой, и все будет забыто". В качестве компенсации Бломберг получил 50 тысяч рейхсмарок на кругосветное путешествие, после чего вернулся на родину и до конца жизни отвергал советы бывших сослуживцев о разводе. Так судьба сберегла его от неминуемого судебного процесса в Нюрнберге и от возможной виселицы. Где заканчивается цитата Феста?

Паломничество на Запад. Становившийся все более явным курс Гитлера на войну помог полковнику Остеру вовлекать в свой кружок новые силы. В итоге ему удалось сформировать широко разветвленную группу Сопротивления, которая нуждалась в поддержке извне. Это привело к тому, что с весны 1938 года началось прямо-таки паломничество представителей немецкого Сопротивления в Париж и Лондон, где они снова и снова пытались наладить взаимодействие, но все их попытки повисли в воздухе. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с очень сложной и замысловатой

политики Англии по отношению к России и большевистскому Советскому Союзу в частности. Вот ответ Чемберлена французскому генералу Гамелену, который пытался склонить своего и британского премьеров на сторону немецкого Сопротивления и занять более жесткую позицию по отношению к Гитлеру: «А кто вам гарантирует, генерал, что Германия не станет потом большевистской?». Этим Чемберлен хотел сказать, что антисоветские (антибольшевистские) гарантии Гитлера надежнее, чем гарантии немецкого Сопротивления. К тому же к этому времени щупальца московского Коминтерна охватили всю Европу. Только что закончилась спровоцированная этим Коминтерном гражданская война в Испании, в которой победил генерал Франко только благодаря помощи Германии и Италии, заключившие между собой Антикоминтерновский пакт. От разлагающей деятельности Коминтерна Франция сама находилась на грани разрухи и гражданской войны. Англичане со страхом слушали передаваемые московским радио военные марши и песни: «От Москвы до британских морей, Красная армия всех сильней» и др. А советский агитпроп на все лады повторял, что английские и французские империалисты – злейшие враги мирового пролетариата и виновники всех мировых бед.

Сравнение не в пользу СССР. В напряженные дни конца сентября 1938 года западные политики склонялись к мнению, что коммунистический Советский Союз представляет для них бóльшую угрозу, чем фашистская Германия. В их национальном сознании на тот период Сталин по всем его поступкам выглядел гаже Гитлера. К этому времени наряду с массовым террором и обнищанием советских людей воинственный атеизм достиг небывалого размаха. В Москве на глазах у западных и других корреспондентов была взорвана самая большая и чтимая всем народом православная святыня – храм Христа Спасителя. Повсеместно разрушались или закрывались храмы всех религиозных конфессий, а священнослужители – носители духовных ценностей и традиций народа – подвергались

арестам и физической расправе. И все это сопровождалось злобной антибританской и антифранцузской пропагандой, что не могло не задевать чувства политиков этих стран.

Уступчивость Гитлеру. Она достигла максимума к середине 1939 года и представляется нам не совсем оправданной (если не сказать ошибочной), даже исходя из позиций Англии и Франции. В создавшейся ситуации потенциальный агрессор получал подпитку как со стороны Советского Союза, так и со стороны западных стран, которые не препятствовали ему наращивать военный потенциал. Аннексия Австрии и захват Чехословакии значительно укрепили вооруженные силы Германии, а поставки советской нефти и других стратегических материалов повышали мобильность немецких танковых дивизий, которые в считанные дни могли оккупировать любую державу на европейском континенте. Исторический парадокс заключается в том, что каждая из указанных сторон искала свои выгоды и возлагала собственные надежды на раскалывающую силу «ледокола». Ошибочность такой политики вскоре проявилась, когда под ударами немецких танковых соединений в 1940 году были разгромлены французская армия и английский экспедиционный корпус. А в июне 1941 года такая же участь постигла Красную армию, и танки вермахта вскоре докатились до Москвы, до реки Волги и гор Кавказа, и немецкие солдаты водрузили свое красное знамя со свастикой на самой высокой из них – Эльбрусе.

Для чего Советский Союз накапливал столько войск на западной границе? После раздела Польши протяженность общей границы между «союзниками» по разделу сфер влияния составила около 1500 км, и две их огромные армии сблизились вплотную. 22 сентября 1939 года прошли совместные торжественные парады частей Красной армии и вермахта в Бресте, Гродно и Пинске. В Бресте парад принимали комбриг Семен Кривошеин и бывший курсант Казанского танкового училища генерал Гайнц Гудериан. Немецкие штабные офицеры сделали тогда много фотоснимков парада и на

второй день поделились ими со своими советскими коллегами. Эти снимки есть в любом историческом музее на Западе, их полно в Интернете, но почему-то нет в нашем музее ВОВ. Почему независимая Беларусь должна стыдиться этой позорной акции бывшего Советского Союза? Всем известно, что тогдашние советско-немецкие парады были инициированы волею тов. Сталина. Так ему хотелось унизить поляков. Он не мог простить им своего поражения под Варшавой в 1920 году, когда он, главный комиссар Юго-Западного фронта, вынужден был спасаться бегством, чтобы не попасть в плен.

Во время этих парадов бесстрашная польская молодежь Бреста и Пинска выкрикивала: «Hańba!» (позор!). Вскоре эту молодежь начали пачками арестовывать, расстреливать или вывозить в Сибирь. Я тогда учился в Пинске и хорошо помню, как советские агитаторы, наводнившие Западную Беларусь, называли всех поляков белополяками и на многочисленных митингах громогласно заявляли, что «поляки – враги, а немцы – наши братья по оружию». Правда, это продолжалось недолго. После неудачной войны с Финляндией не только в Ленинграде, но и в отдаленном Пинске все лечебные учреждения и военный госпиталь были заполнены ранеными и обмороженными бойцами и командирами Красной армии. Красные командиры, которых мы приглашали в школу, рассказывали нам, что финнам в той войне помогали немецкие инструкторы. Весной 1940 года из жаргона советских агитаторов исчезли выражения «белополяки», а немцев советские чиновники перестали величать «братьями по оружию».

Летом 1940 года я часто бывал на Днепробугском канале. По этой водной магистрали бесконечным потоком плыли на запад баржи с зерном и железной рудой. А по нашей даже второстепенной железной дороге Брест – Гомель днем и ночью двигались в сторону Бреста эшелоны с солдатами, танками и другой военной техникой. Всем становилось понятно, и об этом вслух заговорили сельские мужики, что назревает большая война. Мне не забыть, как однажды

в конце апреля или начале мая 1941 года к нам во двор зашел наш сельчанин и сказал отцу: «Слышь, Петро, скоро твоим большевикам будет хана». – «Не говори глупостей», – ответил отец. «Какие глупости? Вчера был в Бресте и от польских машинистов узнал, что за Бугом стоит большая сила. Так что побегут твои большевички, как миленькие». И они, действительно, вскоре «побежали». Бежали в страшной панике, бросая не только танки и орудия, но даже пулеметы и винтовки.

На что рассчитывали Сталин и его комиссары, накапливая столько войск, включая десантные дивизии, на западной границе? Неужели они думали, что немецкая военная разведка глупее таковой советской? Упреждающий удар вермахта вовсе не был внезапным, как об этом все еще твердят некоторые ангажированные историки и работники российских СМИ и музеев. Сошлемся на исторические факты. В апреле 1941 года в Югославии вспыхнуло антифашистское восстание. Черчилль сообщил Сталину, что часть танковых дивизий, предназначенных для нападения на СССР, Гитлер в срочном порядке перебрасывает из Польши в Югославию для подавления указанного восстания. Он тут же предложил Сталину немедленно открыть совместный Балканский фронт против немцев. Сталин проигнорировал это разумное предложение. Он никому не доверял и занял выжидательную позицию. Вечером 21 июня Черчилль сообщил Сталину, что «завтра на рассвете немецкая армия перейдет советскую границу». Сталин проигнорировал и это предупреждение. Но Черчилль в своих мемуарах отметил, что в эту ночь он, как никогда, хорошо спал. Дело сделано. Воздушная битва над Англией выиграна. Она спасла страну от вторжения немцев на британские острова. И, самое главное, два в одинаковой степени опасных противника для Англии и всего западного мира столкнулись между собой в смертельной схватке.

Теперь решающей стороной в этой схватке становится Великобритания. Руководителю этой державы, премьер-министру Чер-

чиллю забот прибавилось. Его удивил ошеломляющий успех вермахта и быстрое продвижение немцев вглубь России. На какое-то время он даже засомневался в способности этой страны выстоять перед напором врага. А тут еще Сталин обратился за помощью. Но какой? Прислать скорее на помощь Красной армии 25-30 дивизий британских войск. И маршруты указал: через Мурманск или Иран и Среднюю Азию. Это необычное обращение Сталина, естественно, не прибавило оптимизма великому британцу, но он тут же ответил кремлевскому сидельцу: «У вас в плену более 250 тысяч польских солдат и офицеров. Из них вы можете сформировать не только дивизии, но и армии». И незадачливому кремлевскому стратегу, который на протяжении почти двух лет тешился успехами вермахта, посылая поздравительные телеграммы Гитлеру по поводу разгрома французской армии и английского экспедиционного корпуса, который был полон надежды на продолжительную изматывающую для Англии войну с Германией, теперь пришлось искать помощи у этой Англии. И такая помощь – да еще какая! – ему была незамедлительно оказана. Вот об этой помощи на стендах музея вы ничего не увидите. А я свидетельствую, что без американской тушенки мы, солдаты этой войны, терпели бы страшный голод. И сам я ходил в шинели из английского зеленого сукна. Но это только небольшая часть той огромной военно-технической помощи Советскому Союзу со стороны Англии и США.

Документы, которых нет в музее. Речь идет о «Переписке председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время ВОВ 1941 – 1945 гг.». Раньше эти документы печатались для служебного пользования, т. к. на переписке Сталина и Черчилля стоял гриф «секретно». Теперь этот гриф снят, и читатель сам может убедиться в масштабах военной и экономической англо-американской помощи СССР в годы войны. Но мы хотим обратить внимание читателя на морально-этическую характеристику страны Советов. Если исходить из здравого

смысла, то возникает вопрос, почему Политбюро ЦК ВКП(б) ранней весной 1940 года приняло решение расстрелять более 25 тысяч пленных польских офицеров и нижних чинов и почему, принимая это решение, оно не задумалось о последствиях? Наверно, потому, что такова сущность тоталитарного коммунистического режима, а во-вторых, негативных последствий никто из членов политбюро не ожидал. Ведь расстреливали, морили голодом, превращали в лагерную «пыль» миллионы своих граждан, и все сходило с рук. Никто не протестовал, не было народного возмущения, наоборот, поклонение вождю нарастало, все называли его «мудрым и любимым».

Но у западной границы СССР было свободное демократическое государство и независимый народ, который в 1918 году освободился от российского и германского ига и на протяжении 20 лет вещал миру правду о страшном терроре, принудительной коллективизации и голодоморе у своего восточного соседа. И вот в 1939 – 1940 годах у этого соседа появилась возможность наказать польский народ. В результате раздела Польши Советскому Союзу досталось 49 процентов ее территории и 14,3 миллиона населения, в том числе 5,5 миллиона этнических поляков. Из трех миллионов репрессированных граждан Западной Беларуси и Западной Украины половину составляли поляки, около одного миллиона украинцы и 500 тысяч белорусы. Таковы результаты правления в течение неполных двух лет красного национал-фашизма на наших землях. (Мы здесь не касаемся важной темы массовых репрессий органами НКВД на территории Западной Украины в послевоенные годы, в период борьбы с УПА.)

Во время войны советскому правительству пришлось оправдываться перед союзниками за совершенные им злодеяния по отношению к польскому народу. Как это происходило, видно из секретной переписки Сталина с Черчиллем. К сожалению, и в российских СМИ, и в музее нет упоминаний об этой страшной трагедии. А ведь в Катыньском лесу лежат с простреляннымми черепами не только по-

ляки (их большинство), но и западные белорусы, украинцы и евреи. Боюсь ошибиться, но среди имен расстрелянных мне встретились и татарские имена, возможно, из татарской диаспоры Виленщины.

Сделаю краткое пояснение. В польской армии в первые дни войны оказалось много мобилизованных офицеров резерва. Офицерские звания присваивали окончившим университеты и гимназии, студентам и преподавателям вузов. Вот почему в советском плену оказалось так много не только кадровых, но и офицеров резерва. А среди убитых было много профессоров, ученых, инженеров, врачей и других специалистов. Поэтому польские историки и общественные деятели не без основания Катыньское преступление советов рассматривают как целенаправленное уничтожение интеллектуального генофонда страны.

Разговор в музее. На тему расстрела в 1940 году польских военнопленных в Катыньском лесу мне довелось поговорить со старшим научным сотрудником музея, кандидатом исторических наук Валерием Протченко. Свое пояснение он начал с фразы, предназначенной, видимо, для иностранных (в основном польских) туристов, что «поляков расстреливали и русские, и немцы». Эта фраза напомнила мне выступление В. Путина при встрече в 2010 году с польским премьер-министром Д. Туском на траурном митинге у памятника жертвам Катыньской трагедии, посвященном 70-летию этого преступления. Тогда Владимир Путин повторил ложь, подсунутую ему придворными российскими историками: «В этом лесу лежат убитые польские офицеры – жертвы прежнего советского режима *и расстрелянные немцами советские военнопленные*». Так ангажированным российским историкам хотелось и на сей раз примазать немцев к этому неслыханному злодеянию «русских». Поэтому, повторю: немцы, действительно, были «туполобыми политиками», как их справедливо называли партизаны УПА, но не такие они уж идиоты, чтобы в тех же могилах с жертвами энкэведистов хоронить еще и расстрелянных ими советских пленных.

История раскрытия Катыньского преступления *(пояснение для российских журналистов и работников музея)***.** Случилось так: группа польских подневольных рабочих из строительной организации «Тодт» летом 1942 года выполняла какие-то работы в Смоленской области, недалеко от Катыни, и, естественно, встречалась с местным населением. Жители окрестных деревень сообщили польским рабочим о массовом захоронении в лесу расстрелянных энкавэдистами польских офицеров. Рабочие тут же доложили об этом немецкому командованию, которое по неизвестным причинам не сразу заинтересовалось этим сообщением. Возможно, немцы еще не успели до конца ознакомиться с захваченным обширным архивом Смоленского НКВД, в котором имелись данные о тайном расстреле польских военнопленных. Можно допустить также, что Смоленское SD в первую очередь обратило внимание в этом архиве на масштабность советского террора тридцатых годов и спешило использовать эти данные с целью пропаганды среди населения оккупированных зон и среди советских солдат через листовки и громкоговорители.

Тем временем дела на восточном фронте складывались для немцев не лучшим образом. Массовым захоронением в Катыньском лесу они заинтересовались только в феврале 1943 года, сразу после грандиозного поражения в Сталинградской битве. Как пишет К. Пилявский (Glos znad Niemna, № 38, 2007 г.), Гитлер тогда созвал экстренное совещание с участием Геббельса, Риббентропа, Ганса Франка и др., на котором обсуждался вопрос, как использовать Катыньское преступление Сталина для развала антигитлеровской коалиции.

В начале апреля 1943 года началась эксгумация и идентификация трупов польских офицеров, а 13 апреля того же года польская газета «Nowy Kurier Warszawski» начала печатать имена и фамилии идентифицированных жертв этого преступления. Известие о злодеянии «русских» произвело ошеломляющий эффект на польскую и мировую общественность и католическую церковь. Я помню эту и

другие польские и немецкие газеты, которые продавались в нашем Дрогичине. И еще помню, как мои знакомые и школьные товарищи, уцелевшие от вывоза в Сибирь, говорили мне с укором тогда: «Вот что наделали ваши “русские”», – отождествляя меня, белоруса, с русскими. В польских и немецких газетах, которые мне доводилось тогда читать, пестрели заголовки «Преступление русских в Катыньском лесу». (Zbrodnia katyńska rosjan). Отсюда понятно, почему в сознании большинства поляков это преступление до сих пор ассоциируется со словом «русские», хотя, как мне удалось узнать из польской печати, среди далеко неполного списка палачей, принимавших участие в расстреле польских офицеров, кроме русских фамилий, значатся также еврейские и грузинские фамилии. К тому же, по одной фамилии, имени и отчеству (которого нет в польской лексике) трудно определить национальную принадлежность палачей. Впрочем, такой подход к оценке преступления вряд ли оправдан. Польских военнопленных офицеров, как и русских офицеров Белой армии, расстреливал преступный коммунистический режим. Жаль только, что современная Россия, называя имена немецких палачей, скрывает имена палачей советского режима.

Катыньское дело на суде в Нюрнберге. Выводы комиссии академика Бурденко по этому делу оказались очередной советской фальшивкой. Марк Солонин пишет, что «в ослеплении своей триумфальной славы Величайшего Полководца, Сталин зачем-то решил поднять вопрос о расстреле в Катыни на Нюрнбергском процессе. В основу обвинения были положены «документы» и выводы комиссии Бурденко. Это была большая ошибка. Даже Нюрнбергский процесс, даже этот “суд победителей” все же сильно отличался от советского “народного суда” образца 1937 года. И то, на что закрывали глаза журналисты в январе 44-го (время работы комиссии Бурденко) не могли не заметить многоопытные немецкие адвокаты весной 46-го… В конце концов советскому прокурору Руденко пришлось приложить усилия к тому, чтобы прекратить обсуждение “катыньского вопроса”.

Татьяна Ступникова, участвовавшая в работе трибунала в скромной роли синхронного переводчика, в своих воспоминаниях пишет: «Для меня это был действительно “черный день”. Слушать и переводить показания свидетелей мне было несказанно тяжело, и не из-за сложности перевода, из-за непреодолимого чувства стыда за мое единственное многострадальное Отечество, которое не без основания можно было подозревать в совершении тягчайшего преступления… Тяжело было, бесспорно, всем советским. И судьям, внезапно утратившим свою самоуверенную окаменелость, и обвинителям, которым суждено было на примере Катыни еще раз убедиться, что Нюрнбергский трибунал – это не суд в СССР…».

Рассказ профессора М.М. Маркварде. Мой коллега по работе, профессор Маркварде Мечислав Марьянович, поведал мне следующий эпизод его «встречи» с Катынью. В 1952 году он, лейтенант советской армии, служил в воинской части, расположенной недалеко от Смоленска. Владея хорошо польским языком, он был в курсе радиопередач «Głos wolnej Polski» («Голос свободной Польши») на катыньскую тему. Осенью 1952 года, в один из выходных дней, М. Маркварде решил на своем мотоцикле съездить к месту захоронения польских офицеров в Катыньском лесу. Подъехав к этому месту, он увидел проволочное заграждение. Навстречу ему вышел мужчина в штатском и спросил, что ему тут надо? И велел убираться прочь. Так советские спецорганы продолжали сторожить от нежелательных посетителей место своего преступления, хотя там уже стоял ими же возведенный обелиск с надписью: «Жертвам фашизма – польским офицерам». Лживой, как оказалось потом, надписью.

Эпилог. Полуправда – излюбленный прием советских и нынешних российских фальсификаторов истории. Нанизывая на одно правдивое событие массу целенаправленной лжи, они создавали и создают до поры, до времени иллюзию достоверности. Но в век Интернета этот прием оказался провальным. Вот почему полуправ-

дивые заявления российских политиков и журналистов, оправдывающих агрессию России против Украины, так возмущают мировую общественность.

80 лет фальсификации истории Второй мировой войны

Окрыленные легкой «победой» над Польшей и захватом почти 250 тысяч пленных польской армии, кремлевские вожди поспешили принять 5 марта 1940 года решение расстрелять 25 тысяч офицеров и нижних чинов. На первой странице этого документа размашистым почерком расписались И. Сталин, К. Ворошилов, В. Молотов, А. Микоян. На полях мелко т. Калинин – за, т. Каганович – за. Хоть бы один из этих палачей высшего коммунистического ранга засомневался и предложил отсрочить расстрел до уточнения хода развития международной обстановки и, в частности, поведения гитлеровской Германии. А поводом для такого сомнения могла бы послужить неудачная война с маленькой Финляндией. За весьма скромные результаты войны с этой страной была заплачена огромная цена. Потери Красной Армии за три месяца боев составили более 160 тысяч убитых и около полумиллиона раненых и обмороженных. Не секрет, что немецкие военные специалисты, находившиеся в Финляндии, стали свидетелями неудач Красной Армии в боях с небольшой по численности, но маневренной финской армией.

Во время этих боев в начале 1940 года произошел т. н. «бунт Ворошилова», который на вопрос Сталина, почему Красная Армия так долго топчется на Карельском перешейке, ответил: «А с кем воевать-то? Лучшие командиры Красной Армии расстреляны!». За этот «бунт» он лишился поста военного министра (наркома). И, тем не менее, он тоже поставил свою подпись палача на этом позорном документе. И товарищу Молотову как наркому иностранных дел следовало бы быть более осведомленным в вопросах иностранной политики уже весной 1940 года.

Война с Финляндией закончилась 13 марта, и он должен был предвидеть опасность войны с Германией. О том, что Гитлер не позволил Советскому Союзу оккупировать Финляндию, несмотря на его прежнее согласие, которое он дал при подписании пакта Молотова-Риббентропа и приложенного к нему секретного протокола, сам тов. Молотов убедился несколько позже при посещении им Берлина в том же году. Почему же он все-таки подписался под смертным приговором полякам? Боялся Сталина, который ненавидел Польшу и ее граждан за поражение Красной Армии под Варшавой в 1920 году? Возможно, и так. Но, судя по другим документам, можно заключить, что нарком иностранных дел был весьма заурядным политиком и уступал в этом плане прежнему наркому – М. Литвинову, который об угрозе немецкого фашизма заявлял задолго до описываемых трагических событий. И пакт Литвинова-Риббентропа в принципе не мог бы состояться. И не потому, что Максим Максимович был евреем (дескать, неугоден фюреру). У Молотова жена была тоже еврейкой, тем не менее, пакт Молотова-Риббентропа был подписан. Дело в том, что Сталин в лице Литвинова встречал все же некоторое сопротивление своим преступным замыслам и решил заменить его более покладистым Молотовым, который к тому же был в восторге от сталинской идеи «Ледокола Революции» и верил в его способности провидца.

Уинстон Черчилль в своих мемуарах назвал Сталина и его комиссаров «простаками». О том, что они еще и преступники международного уровня, он мог в 1940 году только догадываться или судить по их прежним злодеяниям против собственного народа. «Простаками» он их считал не только из-за пакта Молотова-Риббентропа, но и по причине их беспечности и необоснованной эйфории в связи с успехами германских войск на западном фронте. Снабженный в достатке советской нефтью, хлебом и поставками из СССР разных стратегических материалов вермахт слишком быстро разгромил французскую армию и английский экспедиционный корпус. Почему

об этих важных событиях Второй мировой войны предпочитают не сообщать (или сообщают в искаженном виде) российские историки и СМИ? Даже призыв бывшего члена политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева о том, что «Вторую мировую войну пора очистить от вранья», на них не действует. Странная ментальность.

Кто такие русские? В известной книге «Россия» (1905 г., Санкт-Петербург) историки М.В. Довнар-Запольский и Д.З. Шендрик пишут: «История Северо-Восточной Руси началась смешением русского элемента с финскими и тюркскими инородцами…». В своей книге «Анатомия ненависти» (2008) Анатолий Тарас пишет: «Финны и тюрки – не индоевропейцы. А поляки и белорусы, в отличие от русских, генетически представляют собой один и тот же этнос, который возник в результате смешения западных балтов со славянами. Балты и славяне являются индоевропейцами. Таким образом, истина заключается в том, что русские (с одной стороны), белорусы и поляки (с другой стороны) этнически разные народы, антропологически – разные расы. Чистых славян, по данным генетиков, в огромной России не более 6-8 процентов, и все они – обрусевшие потомки белорусов, поляков, украинцев, болгар, сербов, словаков, чехов. А генетические "паспорта" поляков и белорусов настолько близки, что практически невозможно найти в генах отличий между потомками пруссов и кривичей, дайнова и ятвягов, мазуров и дреговичей». Научные исследования генетиков и антропологов могут казаться «шокирующими» только для историков, ослепленных идеями типа «святая Русь – соборная славянская держава». Так как «они в пух и прах разгромили популярный миф о том, что русские, украинцы и белорусы якобы «родные братья-славяне».

А какое значение для истории имеют подобные генетические и антропологические исследования? Имеют, и очень большое. И никто из историков так четко не обосновал их роль, как это сумел показать А.Е. Тарас на примере отношений между русскими и поляками. В предисловии указанной выше книги он пишет: «Сразу могу

сказать, что история отношений между русскими и поляками в период с 1700 года и по сей день – это история взаимного антагонизма в широком диапазоне оттенков: начиная от обоюдных насмешек и кончая взаимной лютой ненавистью. Причин для такой неприязни много… Но, прежде чем излагать конкретные исторические факты, считаю нужным обратить внимание читателей на фундаментальные основы подобного негативизма.

Общеизвестно, что одной из базовых идей марксизма является тезис о том, что «бытие определяет сознание». Иначе говоря, марксисты везде и всегда придавали решающую роль социуму, общественным отношениям, классовой психологии, колоссально недооценивая (или вообще отвергая) значение врожденных (биогенетических) факторов. В СССР такой подход в наибольшей степени выразился в общественных науках, в том числе в истории. Однако исследования генетиков, проведенные за последние 20-30 лет в различных регионах мира, убедительно доказали ограниченность и неполноценность марксистского подхода к анализу общественных явлений, учитывающего только экономические и социологические факторы.

Эти исследования, в том числе российских ученых, позволили по-иному взглянуть на европейскую историю. Многие политические события, а также социально-психологические особенности народов Европы в настоящее время объясняются именно генетическими факторами, ранее остававшимися скрытыми от историков. С высоты сегодняшних знаний отчетливо видно, что генетическое родство и генетический антагонизм этносов являлись (и продолжают являться) важными движущими силами международных отношений в феодальной и буржуазной Европе. Генетические карты этносов, созданные учеными в самые последние годы, открыли новый, пока еще непривычный для всех угол зрения на многочисленные войны и политические союзы.

Так, именно врожденные (генетические) различия в решающей мере способствовали традиционному неприятию московитами (впоследствии русскими) европейского образа жизни, европейской культуры, католицизма, униатства и протестантизма, их ненависть к Великому Княжеству Литовскому, Господину Великому Новгороду, Ливонии, Польскому королевству. И, напротив, огромную любовь к Востоку и азиатским традициям. Приведу в этой связи лишь один микроскопический пример из современной эпохи: На территории РСФСР в 50 и 60 годы XX века пользовались колоссальной популярностью индийские кинофильмы, отвергавшиеся зрителями во всех странах Европы, а также в советских республиках Прибалтики.

В подтверждение этногенетической теории можно привести и такой известный факт. Ленин, Троцкий и другие видные марксисты были неприятно удивлены решимостью польских рабочих и крестьян грудью встать на защиту Варшавы в 1920 году и отразить большевистскую навалу. Такая решимость и сокрушительное поражение поляками Красной Армии озадачили Ленина, так как они не укладывались в понятия марксистской догмы, что у рабочих нет родины, поскольку пролетарии всех стран едины.

Личные наблюдения. Этногенетические взаимоотношения людей весьма рельефно проявлялись в экстремальных условиях периода войны. На территории нашего Дрогичинского района в 1942 – 1943 годах находились разные воинские части, воевавшие на стороне Германии. В самом городе Дрогичине стоял батальон мадьяр (венгров), а станцию Липники охранял взвод словаков. С теми и другими местному населению приходилось сталкиваться при различных обстоятельствах. Так вот, поведение венгров мало чем отличалось от поведения немцев. Можно отметить только, что они были менее надменными по сравнению с немцами, но также могли толкнуть или ударить подростка или взрослого без какой-либо причины. Приезжая в деревню, они, как и немцы, собирали яйца, а иногда требовали сала, пили молоко и никогда за все это не платили. Один

из жителей нашей деревни, Леончик Михаил, во время Первой мировой войны находился в течение двух лет в плену на территории Венгрии и мог на бытовом уровне неплохо общаться с мадьярами. Этим он выручал деревню: поборы продуктов всегда были минимальными и без какого-либо насилия.

Другое дело словаки. Они также часто на велосипедах посещали нашу и другие деревни, легко вступали в контакт с молодежью, пытались ухаживать за девушками, и их отношение к местным жителям всегда было доброжелательным. Они никогда ничего не требовали, только покупали или выменивали крестьянские продукты за сахар, сигареты, мыло или промтовары. Не знаю, каким образом на станцию Липники попал вагон с каустической содой, с помощью которой местные женщины в домашних условиях варили хозяйственное мыло. Это был очень востребованный (дефицитный) товар. В течение какого-то времени этой содой «торговали» немецкие солдаты, а потом их сменили словаки. Все женщины и моя мать тоже несли какие-нибудь домашние деликатесы словакам в обмен за эту соду. И они ее раздавали не скупясь.

В заключение этих наблюдений хочу отметить, что, возможно, в подобных межнациональных контактах важную роль играет сходство языковой лексики и в какой-то степени – конфессия. Но все же этногенетическая составляющая является ведущим фактором во взаимоотношениях народов.

Катынская трагедии и многовековое противоборство Польши и России. Резюмируя сказанное выше, зададимся вопросом: повлиял ли этногенетический фактор и историческое противоборство Великого Княжества Литовского и Польского королевства – с одной стороны и Московского царства – с другой, на события, затронутые в данном эссе? На этот вопрос следует, безусловно, дать утвердительный ответ. И последующая вражда между Речью Посполитой и Российской империей, и военный конфликт между Польской республикой и СССР – все это звенья одной цепи биогенетической непри-

язни между указанными народами. Отсюда становится понятным, почему войны Московского царства против ВКЛ и Польши были всегда такими беспощадными и разорительными. Во времена этих войн московиты уничтожили бóльшую часть белорусского населения, которое было основным этносом ВКЛ.

Захват Россией ВКЛ оказался огромным шагом назад в социально-психологическом, правовом и экономическом аспектах нашей исторической родины. Россия представляла собой отсталую деспотическую державу с нищим и неграмотным народом. Если в объединенном польско-литовском государстве действовали законодательные акты, например, статус Великого Княжества Литовского, то в России первая конституция появилась лишь в 1906 году. У бесправного народа оказался выработанный веками рабский менталитет. После разделов Польши насильственная русификация коснулась, прежде всего, населения бывшего ВКЛ. Языком делопроизводства в государственных учреждениях (включая суды) стал русский язык, которым не владели ни белорусы, ни поляки, ни летувисы. Особенно бедственным после присоединения к России ВКЛ стало положение белорусских крестьян. По данным А. Тараса, за период с 1772 по 1800 год Екатерина II и Павел I раздали русским помещикам, включая самого Суворова, главного палача белорусского и польского народов, 208 350 душ «мужеского пола». Вместе с женами и детьми это более миллиона человек, т. е. четверть всех белорусов стали крепостными новых хозяев.

И еще один пример. Для «освободительного» похода в Западную Беларусь и Украину части Красной Армии почему-то формировались не из восточных белорусов и украинцев, а из жителей других республик, преимущественно РСФСР, как об этом пишет историк В. Деружинский. Где цитата Деружинского? Мне довелось быть свидетелем этого похода и подробно его описать в книге «Записки западного белоруса». Уже в октябре 1939 года стало очевидным, что польскую часть населения Западной Беларуси ждет печальная

участь. Их, независимо от социального происхождения и положения, советские «освободители» стали презрительно называть «белополяками», а на различных митингах и собраниях подчеркивать, что «Польша как искусственное образование больше не существует». (Следует признать, что со второй половины 1940 года эта кличка и другие оскорбительные выражения по адресу Польши вдруг исчезли из жаргона советских агитаторов.) Многие поляки, бежавшие от Гитлера в Пинск, и коренные жители этого города предпочли в 1939 году уехать в оккупированную немцами часть Польши.

Массовые аресты и депортация поляков, а потом и белорусов, не заставили себя долго ждать. Естественно, что при таком бесчеловечном отношении к гражданскому населению можно было ожидать нечто подобное и по отношению к военнопленным. Но никто не думал, что большевики способны совершить такое страшное злодеяние, как «Катынь». Мне могут возразить, что окончательное решение по расстрелу польских офицеров принял Сталин, вовсе не русский по происхождению. Поэтому все эти рассуждения на тему этногенетических взаимоотношений, дескать, безосновательны! (Попытки некоторых историков и политиков все преступления в российской истории свалить на Сталина, Петра I или Ивана Грозного не выдерживают критики, так как сами русские этих жестоких правителей признают героями России. Так, например, портреты Сталина бывший мэр Москвы Лужков приказал вывесить на улицах по случаю в то время 65-летия Победы.) Эти возражения были бы корректными, если бы в огромной цепи карательной системы, состоящей преимущественно из русских людей, произошел хоть какой-то сбой: кто-то посочувствовал и предупредил бы обреченных о предстоящей угрозе и, возможно, поднял бы их на бунт. Нет, такого не случилось. Да и Сталин, возможно, согласился бы заменить расстрел на отправку военнопленных в лагеря, как предполагалось первоначально, если бы русские члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов и Калинин настояли на таком варианте.

Вячеслав Костиков пишет: «Социальная демагогия и историческая ложь с трудом отпускают нас. Несмотря не недвусмысленную оценку, данную руководством страны злодеяниям сталинского режима, около 30 процентов россиян всё еще верят, что польских офицеров в Катыни расстреляли немцы («АиФ», № 16, 2010). Воспитание на циничной лжи подрастающего поколения продолжается и в нашей республике. Вот что написано, например, в учебнике «История Беларуси» для 11-го класса, 2009 год: «Утверждается, что катынское злодеяние было совершено органами НКВД по решению Политбюро ЦК ВКП(б). До настоящего времени указанная версия не имеет документального подтверждения». И вот такая ложь проникает в учебники при наличии в стране академического Института истории. Поэтому прав Виктор Суворов, который в своей книге «Самоубийство» (Москва, 2000) пишет: «Наша история, прежде всего история войны, наукой не является, ибо в ней ничего не стыкуется. Это нарастающая чепуха». И вот такой «нарастающей чепухой» занимается белорусский Институт истории.

В своей статье «Где кончается Родина?» в той же газете В. Костиков отмечает: «Проводы погибших в авиакатастрофе под Смоленском и всеобщая скорбь, которая охватила Польшу, наводит на глубокие размышления. И не только о непредсказуемости жития. Поляки продемонстрировали миру, что значит быть народом, нацией. И нам, россиянам, было бы полезно извлечь из этой мемориальной недели собственные уроки. Нам нужно многое преодолеть из того, что мешает нам найти общий язык с соседями, с достоинством войти в Европу. Падение “железного занавеса”, крах идеологических обольщений и, наконец, первые ростки демократии дают надежду на то, что Россия вернет себе не только достойное место среди развитых экономик мира, но и нравственную привлекательность. И, прежде всего – в глазах собственных граждан». Разумные слова.

Как первую жертву агрессии двух тоталитарных режимов, Польшу, стали обвинять в сговоре с Гитлером. Приведем дан-

ные, помещенные в Интернете, но более четко изложенные в газете «Народная Воля» от 3 января с. г.: «Тема предвоенной политики ряда европейских государств была неожиданно и широко затронута президентом России В. Путиным на декабрьском саммите с участием лидеров стран СНГ. Он, в частности, заявил, что Польша несет большую ответственность за Вторую мировую войну. Таким образом, делается попытка скрыть связи Сталина с Гитлером, способствовавшие развязыванию кровавой бойни в Европе. Негативно о роли Польши Путин за последние недели высказался четыре раза, в том числе на расширенном заседании коллегии Министерства обороны России. Его слова дали старт для массовой антипольской кампании в российских СМИ. Аналитики расходятся в оценке причин, почему такая атака на Польшу состоялась именно сейчас. Но тут же последовал ответ Путину польских евреев и премьера Польши Матеуша Моравецкого.



Во время подписания Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 года. Слева направо: Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини и Чиано



В. Путин: "Агрессивный национализм всегда ослепляет, стирает любые моральные грани. Вставшие на этот путь не останавливаются ни перед чем, Но в конечном итоге это достает их самих, и так было на сей раз. В этой связи, в подтверждение этого тезиса, следующий документ – донесение посла Польши в Германии Иозефа Липски министру иностранных дел Юзефу Беку от 20 сентября 1938 года. Считаю необходимым просто вам его зачитать. Он вел беседу с Гитлером, и вот что он пишет об этом, польский посол своему министру иностранных дел: В дальнейшем во время беседы Гитлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России. Из других высказываний о фюрере следовало, что его осенила мысль о «решении еврейской проблемы, путем миграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией и Румынией. Гитлер предлагал выслать евреев из европейских стран для начала в Африку. Но их не просто выслать – отправить их фактически на вымирание. Это первый шаг к геноциду, к уничтожению еврейского народа, к тому, что мы сегодня называем Холокостом. Что же ответил на это польский представитель? «Если это произойдет, если это найдет свое разрешение, мы поставим ему, Гитлеру, прекрасный памятник в Варшаве»". *(Из выступления на*

***неформальном** саммите СНГ).* А на итоговой коллегии Министерства обороны Путин, утратив приличие, добавил в адрес поляка: «*Сволочь, свинья антисемитская,* по-другому сказать нельзя. Он полностью солидаризировался с Гитлером в его антисемитских настроениях и, более того, за издевательство над еврейским народом пообещал поставить памятник в Варшаве».

Польские евреи назвали слова Путина «Скандальной манипуляцией». Председатель польского Союза еврейских религиозных общин Клара Колодзейская и главный раввин Польши Михаэль Шудрих выступили с заявлением относительно обвинений президента России Владимира Путина в адрес Польши в том, что она виновата в развязывании Второй мировой войны. Об этом написала газета *Rzeczpospolita.* Руководители польских евреев назвали слова Путина о роли Варшавы в развязывании Второй мировой войны скандальной манипуляцией. По их словам, евреев особенно возмущает использование для манипуляции заметки посла Польши в Третьем рейхе Юзефа Липского, который в 1938 году одобрил идею Адольфа Гитлера выслать европейских евреев в Африку. Представители еврейских общин напомнили, что Польша действительно поддержала эмиграцию 10 процентов своего еврейского населения, однако сделала это в сотрудничестве с сионистским движением, главной идеей которого было объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – в Израиле. Этому движению Польша тайно оказывала военную поддержку. В то же время в 1938 году, когда Третий рейх изгнал тысячи польских евреев, польские дипломаты, в том числе лично Липский, помогали им. «Обвинять его в антисемитизме, основываясь на одном предложении, вырванном из контекста, очень безответственно», – заявили польские евреи. В заявлении указано, что фальсификация истории грозит современной европейской идентичности. Еврейская община обратила внимание на то, что немецкие власти не скрывают правду о войне. Того же они пожелали и российским властям.

Какой достойный ответ российским фальсификаторам истории Второй мировой войны! У лжи короткие ноги, говорит народная пословица. Российским властям давно пора не скрывать правду о прошедшей войне, а назвать имя главного ее зачинщика (архитектора), который вверг свою страну в кровопролитную четырехлетнюю бойню.

В Польше нет ни памятников Гитлеру, ни памятников Сталину. Заявление Премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого: «XX век принес миру невообразимые страдания и смерть сотен миллионов людей, убитых во имя больных тоталитарных идеологий. Кровавая жатва нацизма и коммунизма очевидна для людей нашего поколения. Очевидно также, кто именно за эти преступления несет ответственность и чей союз положил начало Второй мировой войне, самому кровопролитному конфликту в истории человечества.

К сожалению, чем больше времени проходит с тех трагических событий, тем меньше о них знают наши дети и внуки. Поэтому так важно, чтобы мы продолжали во всеуслышание говорить правду о Второй мировой войне, преступниках и жертвах и сопротивлялись любым попыткам искажения истории. Память об этом зле особенно важна для Польши – первой жертвы войны. Наша страна раньше других столкнулась с агрессией гитлеровской Германии и советской России. Именно Польша была первым государством, которое сражалось за свободную Европу. Однако сопротивление злым силам не является исключительно воспоминанием о героизме поляков – это что-то более значимое. Это сопротивление является наследием всей свободной и демократической сегодня Европы, поднявшейся на борьбу против двух тоталитарных режимов. Сегодня, когда некоторые в политических целях хотят попрать память об этих событиях, Польша должна встать на защиту правды. Не во имя собственных интересов, а во имя того, чем является Европа.

Подписанный 23 августа 1939 года пакт Молотова-Риббентропа не был договором о ненападении. Это был политический и воен-

ный союз, деливший Европу на две сферы влияния по линии трех польских рек: Нарева, Вислы и Сана, перенесенный месяцем позже на линию Буга в результате подписанного 28 сентября "Договора о дружбе и границе между СССР и Третьим рейхом". Он был прелюдией к чудовищным преступлениям, которые были совершены по обе стороны этой линии. Союз Гитлера и Сталина был немедленно воплощен в жизнь: 1 сентября 1939 года гитлеровская Германия атаковала Польшу с запада, юга и севера, а 17 сентября СССР сделал то же самое, нападая с востока. 22 сентября в Бресте прошел торжественный парад – празднования общей победы гитлеровской Германии и советской России над независимой Польшей. Такие парады не проводят стороны договоров о ненападении – это делают союзники и друзья. Именно так было в случае Гитлера и Сталина – долгое время они были не только союзниками, но друзьями. Эта дружба процветала настолько, что когда группа из 150 германских коммунистов еще до войны сбежала из Третьего рейха в СССР, в ноябре 1939 года Сталин передал их Гитлеру, обрекая их на верную смерть.

СССР и Третий рейх все это время тесно сотрудничали. На Брестской конференции 27 ноября 1939 года представители служб безопасности обоих государств обсуждали методы и принципы сотрудничества в борьбе с польскими национально-освободительными организациями на оккупированных территориях. Последующие конференции органов НКВД и СС, посвященные сотрудничеству, прошли, между прочим, в Закопане и Кракове (в марте 1940 года). Это не были переговоры о ненападении – обсуждалась ликвидация (читай: убийство) людей, граждан Польской Республики, а также совместные союзнические действия с целью полного уничтожения Польши. Без участия Сталина в разделе Польши и без природных ресурсов, которые Сталин доставлял Гитлеру, германская махина преступлений не завоевала бы Европу. Последние поезда с поставками прибыли 21 июня 1941 года – за день до того, как гитлеровская

Германия атаковала прежнего союзника. Благодаря Сталину Гитлер мог безнаказанно захватывать очередные страны, согнать евреев со всего континента в гетто и готовиться к Холокосту – одному из самых масштабных преступлений в истории человечества. Сталин совершал преступные действия на востоке, подчиняя одну страну за другой и развивая структуру лагерей, которые россиянин Александр Солженицын назвал “Архипелаг ГУЛАГ”. Лагерей, в которых миллионы людей, противников коммунистической власти, уничтожались с помощью рабского, непосильного труда.

Преступления коммунизма начались задолго до Второй мировой войны, начиная с голодной смерти миллионов россиян в начале 20-х годов, Великого голодомора, в результате которого умерли миллионы жителей Украины и Казахстана, Большого террора, когда было убито почти 700 тысяч политических противников и простых граждан СССР, в основном россиян, а также “Польской операции” НКВД, когда были расстреляны граждане СССР польского происхождения. На смерть обрекли детей, женщин, мужчин. Только в рамках “Польской операции”, по данным НКВД, было расстреляно более 111 тысяч человек – хладнокровно убитых советскими коммунистами. Польская национальность в Советском Союзе в то время означала смертный приговор или многолетнюю ссылку. Продолжением этой политики были преступления, совершенные уже после нападения Советского Союза на Польшу (17 сентября 1939 года), такие как расстрел более 22 тысяч польских офицеров и представителей элиты, в том числе в Катыни, Харькове, Твери, Киеве и Минске, а также в застенках НКВД и лагерях в отдаленных уголках советской империи.

Больше всего от коммунизма пострадали граждане России. По оценкам историков, только в Советском Союзе были убиты от 20 до 30 миллионов человек. Смерть и лагеря ждали тех, кого каждое цивилизованное государство окружает заботой, – возвращавшихся с войны пленных, СССР считал их не героями войны, а предателями.

Дел. № ЭП-3 30
Пор. № 30
Стр. 30-65

Копия

Совершенно секретно

экз.№ 2.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3.777.380 человек, в том числе:

к ВМН - 642.980 человек,

к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже - 2.369.220 человек,

в ссылку и высылку - 765.180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек - Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием и 877.000 человек - судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией.

Письмо Генерального Прокурора СССР Р.А. Руденко, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра юстиции СССР К.П. Горшенина секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.
1 февраля 1954. ГА РФ. Ф.Р.-9401. Оп.2. Д.450. Л.30-65.

Такой была “благодарность” советской России пленным солдатам Красной армии: смерть и лагеря. За все эти преступления несут ответственность коммунистические лидеры, прежде всего Иосиф Сталин. Предпринимаемые спустя 80 лет с начала Второй мировой войны попытки реабилитировать эту фигуру в политических целях действующего президента России должны вызывать решительный протест каждого, кто имеет хотя бы малейшее представление об истории XX века.

Президент Путин неоднократно пытался оболгать Польшу. Он всегда делал это сознательно. Обычно так происходит, когда власти в Москве чувствуют международное давление, связанное с ее действиями. Давление вовсе не на исторической, а на современной геополитической арене. В последние недели Россия потерпела ряд серьезных поражений: провалом закончилась попытка подчинить себе Беларусь. Европейский Союз в очередной раз продлил санкции за незаконную аннексию Крыма, а переговоры в так называемом нормандском формате не только не привили к отмене санкций, но и прошли на фоне очередного обострения – на этот раз с американской стороны, которое значительно затруднит реализацию проекта “Северный поток-2”. Одновременно российские спортсмены были отстранены от участия в соревнованиях на четыре года за применение допинга. Слова президента Путина воспринимаю, как попытку скрыть существующие проблемы. Российский лидер прекрасно знает, что его обвинения не имеют ничего общего с действительностью – что в Польше нет ни памятников Гитлеру, ни Сталину. Такие памятники были на нашей земле исключительно тогда, когда их возводили агрессоры и преступники – гитлеровская Германия и советская Россия. Российский народ наиболее пострадавший от Сталина, одного из самых жестоких диктаторов в мировой истории, – заслуживает правды. Искренне верю в то, что российский народ – это свободные люди и что они отвергнут сталинизм, даже если президент Путин пытается его реабилитировать. Нельзя путать палачей

и жертв, виновных в жестоких преступлениях, и ни в чем неповинное мирное население и захваченные государства. Во имя памяти о жертвах и во имя общего прошлого мы должны вместе защищать правду».

Какие разумные слова и точная оценка истоков Второй мировой войны! Я как очевидец тех событий и солдат прошедшей войны готов подписаться под каждым словом польского премьер-министра М. Моравецкого. Только удастся ли демократическим странам в ближайшее время «вместе» с Россией защищать правду о той войне? На этот вопрос ответа пока нет. Здесь уместно вспомнить слова российского публициста Глеба Павловского: «Россия заражена чекизмом». Пусть читатель сам выберет ответ на поставленный выше вопрос.

Научно-популярное издание

Данилов Иван Петрович

ДОРОГА В НИКУДА, ИЛИ КТО ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

Подписано в печать 16.02.2020. Формат 60 х 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,45. Уч. изд. л. 2,5.
Тираж 50 экз.